

СТОРОЖЕВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ГОТТОР
Н. М. БЯРЦЫ И ГИМН

ГОРЬЕВСКІЙ

ГОРДСКОЙ ГОЛОВА

НИКИФОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ

БАДЫГИНЪ.

1872-1901

Б.З.

Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ въ 1900 году.

III.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ заключеніе настоящаго очерка жизни и дѣятельности Н. М. Бардыгина издатель считаетъ своимъ долгомъ принести сердечную благодарность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ составленію и выпуску настоящаго изданія: Алексѣю Алексѣевичу Виталю, разработавшему текстъ на основаніи документовъ и личныхъ изслѣдованій въ г. Егорьевскѣ; художнику Борису Васильевичу Зворыкину, руководившему внѣшней стороною этого изданія; всѣмъ тѣмъ друзьямъ покойнаго, которые нашли возможнымъ предоставить свои портреты для помѣщенія въ этой книгѣ; и, наконецъ, редактору-издателю «Русскаго Дѣла» Сергѣю Ѳедоровичу Шарапову, принявшему участіе въ составленіи плана работы и ея окончательной редакціи и любезно доставившему въ видѣ отдѣльнаго очерка свои личныя воспоминанія о Никифорѣ Михайловичѣ, полныя живого интереса. Воспоминанія эти, помѣщаемыя ниже, яркою картиною дополняютъ документальныя данныя, собранныя и приведенныя въ систему составителемъ жизнеописанія, и художественно освѣщаютъ личность почившаго.

Приложенный въ книгѣ, гравированный въ Лейпцигѣ, портретъ Никифора Михайловича, снятъ въ 1899 году также г. Шараповымъ и является самымъ удачнымъ и схожимъ. Объ этомъ рассказано въ концѣ его «Воспоминаній».

IV.

ЛЗЪ МОАХЪ ВОСЛОМНААНІЙ О АЯКАФОРЪ МАХАЙЛОВИЧЪ ВАРДЫГИНЪ.

Очеркъ Сергѣя Шарапова.

Просмотрѣвъ, по порученію издателя, М. Н. Бардыгина, составленный А. А. Виталемъ біографическій очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго Никифора Михайловича Бардыгина, считаю своимъ долгомъ по отношенію дорогой для меня его памяти присоединить нѣсколько личныхъ воспоминаній, которыя, можетъ-быть, будутъ небезполезны, какъ дополненіе къ прекрасному труду, опирающемуся на дѣловыя и документальныя данныя и личные разспросы изслѣдователя.

Съ рѣдкимъ удовольствіемъ исполняю я эту работу, ибо самъ лично зналъ покойнаго, пользовался его постояннымъ вниманіемъ и дружбою и цѣнилъ въ немъ поистинѣ замѣчательнаго русскаго человѣка и выдающагося общественнаго дѣятеля.

Среди огромной галлерей государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, съ которыми мнѣ за мою долгую литературную службу пришлось познакомиться и имѣть дѣло, было не много такихъ выдающихся и въ лучшемъ смыслѣ слова оригинальныхъ людей, какъ Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ. Съ лѣтами всѣ эти знакомства заволакиваются туманомъ и отдѣльныя личности блѣднѣютъ и затушевываются, такъ что нужны усилія памяти и архивныя справки, чтобы вызвать тотъ или иной давно ушедшій изъ міра образъ. Только нѣсколько человѣкъ живутъ въ памяти, врѣзавшись въ нее неизгладимыми чертами, и на видномъ мѣстѣ среди нихъ — Никифоръ Михайловичъ.

Секретъ оригинальности и своеобразнаго обаянія, окружавшаго его, заключался въ томъ, что это былъ человекъ изъ народа, необыкновенно гармонично соединявшій въ себѣ подлинную русскую національную основу и народное міровоззрѣніе съ серьезнымъ просвѣщеніемъ и широкими государственными взглядами, дѣлавшими его желаннымъ членомъ образованнаго общества и крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Среди забитаго и темнаго, но хранившаго въ

И. С. Аксаковъ.

неприкосновенности свой духовный строй русскаго люда это былъ вполне свой человекъ, выдѣлявшійся только просвѣщеніемъ. Среди интеллигентнаго общества это былъ тоже свой человекъ по взглядамъ и тонкому пониманію самыхъ сложныхъ общественныхъ явленій и государственныхъ вопросовъ, но въ немъ не чувствовалось оторванности отъ почвы и разрыва со своимъ народомъ, что составляетъ характерную черту нашей интеллигенціи. Наоборотъ, съ перваго взгляда было видно, что этотъ человекъ устоялъ передъ всѣми соблазнами нашего книжнаго просвѣщенія и словно корнями вросъ въ родную землю. За Никифоровъ Михайловичемъ постоянно чувствовался русскій народъ, и

самая рѣчь его, иногда даже простая и незначительная, звучала властно, какъ подлинный голосъ земли. Это не могло не производить въ нашемъ легковѣсномъ обществѣ глубокаго и могучаго впечатлѣнія. Онъ слишкомъ ярко и рѣзко выдѣлялся изъ толпы окружающихъ и его уже невозможно было забыть даже послѣ краткаго разговора или случайнаго знакомства.

Вышеизложенный очеркъ обрисовываетъ довольно полно не только жизнь и общественную работу Никифора Михайловича Бардыгина, но и даетъ его характеристику, какъ человека. Онъ написанъ по матеріалу, собранному на мѣстѣ въ г. Егорьевскѣ, гдѣ протекала его жизнь, и которому былъ отданъ весь его долгій общественный трудъ,

оставившій въ исторіи города неизгладимый слѣдъ. Къ этому очерку мнѣ остается лишь прибавить нѣсколько личныхъ воспоминаній, какъ слабую дань его дорогой для меня памяти.

Знакомство мое съ Никифоромъ Михайловичемъ Бардыгинымъ началось въ Москвѣ, въ 1883 году, въ дни коронаціонныхъ торжествъ. Въ числѣ другихъ городскихъ головъ на торжество прибылъ и онъ. Однажды вечеромъ покойный Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, закончивъ свои корректуры и приемъ посѣтителей, уже собирался ѣхать на дачу, когда доложили о прибывшемъ Н. М. Бардыгинѣ.

— Ну, изъ-за него можно на полчаса опоздать, — сказалъ Иванъ Сергѣевичъ. — Вотъ, рекомендую: типичный русскій человѣкъ и замѣчательный дѣятель.

Аксаковъ всталъ и двинулся навстрѣчу. Въ кабинетъ вошелъ пожилой, но крѣпкій, и бодрый человѣкъ высокаго роста, съ замѣтной сѣдиной въ бородѣ и умными проницательными глазами, вдумчиво и внимательно смотрѣвшими изъ-за золотыхъ очковъ.

— Наконецъ-то васъ засталъ, многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, да и то, кажется, на походѣ. И карета ужь подана. Но, думаю себѣ, нельзя уѣхать изъ Москвы, не поклонившись нашему Златоусту.

— Спасибо за память, Никифоръ Михайловичъ. Ну что, очень устали?

— Душой усталъ, Иванъ Сергѣевичъ. Параду много, а радости мало. Фальшь какая-то слышится. Надо полагать, не легкая для Россіи полоса начинается.

Что-же дѣлать, будемъ переживать. И не то видали.

А. А. Виталь.

— «Переживать»? Вотъ, мы все только «переживаемъ». А когда же жить-то будемъ? Увидали было свѣтъ въ щелочку, а вотъ теперъ опять ставни заколотятъ. Обошли молодого Царя-Батюшку. Вѣдь какъ обухомъ по головѣ хватили насъ назначеніемъ графа Толстого. Кто-кто, а ужъ мы-то, рязанскіе, его близко знаемъ. Вѣдь стыдъ и срамъ одинъ.

— Да, и Москва была поражена. Я простить не могу Игнатьеву, что не умѣлъ удержаться. Вонъ, и Черняевъ тоже пишетъ, что уходить надо, а еще не прошло и года съ назначенія.

Разговоръ перешелъ на внутреннюю политику. Никифоръ Михайловичъ съ тревогою предсказывалъ удушливую реакцію и ломку всѣхъ реформъ Александра II. Аксаковъ успокаивалъ его и ручался, что жизнь не возвращается въ старое русло и что реакція можетъ быть лишь кратковременною и безплодною.

— Строить долго, Иванъ Сергѣевичъ,—развалить скоро.

Это замѣчаніе вызвало бурную отповѣдь:

— Не бойтесь, господа! Великія реформы Александра II не развалишь. Потрудитесь возстановить крѣпостное право! Потрудитесь упразднить гласный судъ, потрудитесь уничтожить земское и городское самоуправленіе, или вернуться къ прежнимъ формамъ воинской повинности! Да этого никому и въ голову придти не можетъ!

Но Бардыгинъ не сдавался.

— Конечно, ничего подобнаго не случится. Такъ, прямо напроломъ никто не пойдетъ. Отмѣнять ничего не будутъ, а потихоньку все изуродуютъ. Вывѣска останется, а товаръ въ лавкѣ будетъ гнилой. Мыслимое-ли дѣло крѣпостное право возстановить! А вотъ, возьмутъ, да и отдадутъ крестьянъ опять въ опеку дворянамъ. Намъ вѣдь тоже приходится за газетами слѣдить, да и разговоровъ полно всякихъ. Такъ и съ судомъ, и съ городовымъ положеніемъ, и съ земствомъ. Всего вѣдь ложку дегтя въ бочку влить, а меда ѣсть нельзя будетъ...

У Никифора Михайловича въ глазахъ блистали огоньки, хотя по внѣшности не было видно никакого волненія и красивая образная рѣчь лилась плавно и спокойно. За то волновался Аксаковъ.

— Вы смотрите черезчуръ мрачно, Никифоръ Михайловичъ. Дѣло не въ правительствѣ, не въ реакціи сверху, а въ самомъ обществѣ. Вотъ гдѣ горе. Дряблѣе, слабое, невѣрующее, полное обезьянства и самыхъ нездоровыхъ фантазій, отъ жизни отрѣзанное, народу чуждое, работать не желающее, а все норовящее получить готовымъ! Лучшіе люди вынесли на своихъ плечахъ обновленіе Россіи и смогли это сдѣлать только потому, что во главѣ ихъ сталъ Царь. Но развѣ это обновле-

ніе прошло въ глубину, захватило и переработало общество? Развѣ наше крестьянство поднялось въ культурѣ или даже стало грамотнымъ? Развѣ дворянство не тѣмъ самымъ осталось, чѣмъ было, только что не умѣло приспособиться къ новымъ условіямъ и побѣжало съ земли? А купечество? Далеко-ли сынки ушли отъ отцовъ, которыхъ графъ Закревскій таскалъ за бороды? Гдѣ у насъ самоуправленіе, которое дано достаточно широкое? Что сдѣлали земства, города? Хозяйство раззорено, дороги непроѣздны, тонемъ въ грязи, отовсюду только и извѣстія, что о растратахъ да о хищеніяхъ, духовная сторона нашей жизни ужасна. Въ такомъ положеніи всякіе сюрпризы сверху не только возможны, но и неизбежны. Сегодня будетъ Лорисъ, завтра случайно проскочитъ Игнатъевъ, ну, а за нимъ Толстой. И каждый будетъ мудрить по-своему и рисовать на лицѣ Россіи свои узоры, какъ на гладкой доскѣ. Меня ужасъ беретъ, когда видишь наше ничтожное какое-то лазаретное общество, умѣющее только либеральничать, ныть да злорадствовать...

— Вотъ, вы упомянули о самоуправленіи. Мы въ Егорьевскѣ работаемъ...

— Да, потому, что тамъ случайно нашелся Бардыгинъ. Ну, а потрудитесь назвать мнѣ еще три-четыре города, чтобы поставить съ вами рядомъ. Я такихъ что-то не знаю. А вотъ, полюбуйте на наши столичныя самоуправленія, на наши передовыя земства...

Разговоръ такого содержанія могъ-бы продолжаться всю ночь, если-бы Иванъ Сергѣевичъ не былъ слишкомъ утомленъ и на дачѣ не ждала его Анна Ѳедоровна. Онъ извинился, простился съ нами и уѣхалъ, сказавъ Никифору Михайловичу на прощанье:

— Главное, не унывайте. Вся надежда Россіи въ ея Царѣ. Этотъ Государь полонъ русскихъ чувствъ, чтитъ русскія святыни и старину, и если поддается ловкому обману, то во всякомъ случаѣ не надолго. Историческій инстинктъ выведетъ его, а съ нимъ и Россію, на настоящую дорогу. Я этому вѣрю, хочу вѣрить и въ этомъ духѣ написана моя сегодняшняя статья.

Мы остались одни. Я пошелъ проводить Никифора Михайловича до ближайшаго извозчика. Но погода была такъ хороша и впечатлѣніе отъ только-что происходившаго обмѣна мыслей такъ сильно, что мы прошли всю Никитскую. Мой спутникъ былъ молчаливъ и сосредоточенъ. Онъ промолвилъ въ слѣдъ Аксакову: «дай-то Богъ»—и долго не говорилъ ни слова. Затѣмъ пріостановился и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Большое ваше счастье, что судьба поставила васъ около нашего русскаго богатыря. Нѣтъ такой школы для писателя, какъ около

Аксакова. Учитесь у него и берегите его. Начинается тяжелое время. Дай Богъ, чтобы Аксаковъ былъ правъ, но у меня дурныя предчувствія. Очень ужъ плохо окруженъ Царь-Батюшка въ Петербургѣ, опутаютъ они его и собьютъ съ дороги.

Никифоръ Михайловичъ подробно разспросилъ меня о моемъ со-трудничествѣ, о составѣ нашей редакціи, о моемъ хозяйствѣ и политическихъ воззрѣніяхъ, вставляя мѣткія замѣчанія. Статьи мои онъ читалъ и онѣ ему были по душѣ. Онъ былъ очень доволенъ, узнавъ, что «Земледѣлецъ» — мой псевдонимъ, и сказалъ мнѣ самый большой комплиментъ, какой только я слышалъ:

— Хорошія статьи. Отъ нихъ «землей пахнетъ».

Съ этой поры началось мое знакомство съ Никифоромъ Михайловичемъ, продолжавшееся почти до самой его кончины.

Въ 1886 году скончался И. С. Аксаковъ, и черезъ нѣсколько недѣль я уже основалъ «Русское Дѣло», которое мнѣ страстно хотѣлось сдѣлать продолженіемъ «Руси». Однимъ изъ первыхъ подписчиковъ на газету былъ Н. М. Бардыгинъ, приславшій мнѣ теплое привѣтственное письмо, къ сожалѣнію не сохранившееся.

Время летѣло. Нелѣпая реакція усиливалась. Н. М. Бардыгинъ вѣрно предсказалъ ломку реформъ Александра II. Готовилось «новое земство», назрѣвало «положеніе о земскихъ начальникахъ». Страшный туманъ обволакивалъ Россію. Либеральная печать замолкла, цензура свирѣпствовала, какъ никогда. За горячую защиту великихъ реформъ Александра II я быстро въ одинъ годъ успѣлъ подвести «Русское Дѣло» подъ шестимѣсячную пріостановку и два предостереженія. Послѣ третьяго наступала для газеты смерть, ибо издавать безцензурный органъ подъ дѣйствіемъ фатальнаго примѣчанія къ 144 статьѣ было немыслимо. Это примѣчаніе создавало для цензора право безъ всякаго объясненія останавливать любой отпечатанный номеръ и объ этой остановкѣ нельзя было даже заявить въ слѣдующемъ. Запуганная цензура арестовывала и жгла номера даже за простую двусмысленную фразу.

Заходитъ какъ-то въ редакцію Никифоръ Михайловичъ. У меня какъ разъ сидѣлъ мой другъ и сотрудникъ, теперь уже покойный, Н. П. Аксаковъ. Еще изъ передней раздался голосъ Н. М. Бардыгина:

— Похороны-то скоро?

— Да вотъ, ужъ и могилу копаемъ. Позвольте васъ познакомить.

Вы очень кстати заглянули, почтеннѣйшій Никифоръ Михайловичъ. Вотъ, прослушайте-ка передовую статью Николая Петровича и скажите ваше мнѣніе.

Н. П. Аксаковъ только самъ (да еще наборщики) могъ читать свою рукопись. Впрочемъ, читалъ онъ прекрасно, вдохновенно и горячо.

Это была знаменитая статья Николая Петровича противъ института земскихъ начальниковъ, передававшего крестьянъ подъ сословную опеку дворянъ. Отъ имени историческаго русскаго дворянства, къ которому онъ себя причислялъ, горячо возставалъ Аксаковъ противъ новой привилегіи. Въ статьѣ были чудныя мѣста, полныя величайшаго достоинства и гнѣва. «Снимите маску, защитники дворянскаго землевладѣнія», косвенно обращался Аксаковъ къ графу Д. А. Толстому, «и помните прежде всего, что вы непризванные его защитники». «Рѣчь идетъ не объ интересахъ историческаго русскаго дворянства, а о привилегіяхъ чиновничьихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ». «Попетровское дворянское древо въ Россіи, основанное на табели о рангахъ, древо заграничное и у насъ столь же безплодно, какъ и евангельская смоковница».

Н. П. Аксаковъ.

Аксаковъ кончалъ указаніемъ на свое происхожденіе отъ основателя Кіево-Печерской Лавры Шимона-Варяга, и, считая за своимъ родомъ болѣе 600 лѣтъ, торжественно признавалъ себя членомъ земщины и категорически отказывался отъ власти надъ крестьянствомъ.

Статья производила глубокое и сильное впечатлѣніе. Никифоръ Михайловичъ внимательно слушалъ, изрѣдка вставляя: «вѣрно»: или: «хорошо», затѣмъ всталъ и подошелъ къ Аксакову, сидѣвшему около стола.

— Позвольте мнѣ васъ обнять...— и, перемѣняя неожиданно тонъ, прибавилъ:

— Вся *твоя* благородная душа тутъ вылилась!

Н. П. Аксаковъ.

Я сказалъ:

— А вѣдь газету-то за эту статью закроютъ, Никифоръ Михайловичъ.

— Толстой этого не пропуститъ. Это ужъ прямо по немъ.

— Что-же дѣлать?

— Други мои милые, не смѣю вамъ совѣтовать. Боюсь на свою душу такой отвѣтъ брать. Статья золотая, что и говорить. Грѣхъ ее не печатать. А и «Русское» твое «Дѣло» сохранить-бы нужно. Вѣдь одинъ его голосъ только и раздаётся. Всѣ смирились и попрятались, одинъ ты бунтуешь. Какъ тутъ быть—смотрите сами, вамъ виднѣе.

— Я не настаиваю на печатаніи, — сказалъ Николай Петровичъ. — Написалъ, какъ вылилось изъ души. Если есть для газеты опасность, лучше статью отложить. Или, можетъ-быть, удастся напечатать за границей.

— Нѣтъ, не дѣло это—за границей печатать, — возразилъ Бардыгинъ. — Зачѣмъ подражать смутьянамъ да революціонерамъ? Совсѣмъ другой видъ будетъ имѣть, да и впечатлѣнія такого не произведетъ. Дѣйствовать надо законно.

Я былъ на двадцать лѣтъ моложе теперешняго и борьба неудержимо увлекала, а потому стоялъ за печатаніе статьи: «Русскаго Дѣла» все равно не сбережешь, или оно должно совершенно обезличиться, но тогда кому же оно нужно?..

— Ну, такъ вотъ что, Сергѣй Ѳедоровичъ. Отложи-ка ты, родной мой, эту статью на денекъ, а вечеромъ, отходя ко сну, помолись хорошенько: «помоги-моль мнѣ, Господи, какъ получше послужить Росіи-матушкѣ», — да обдумай все съизнова хорошенько. Утромъ встанешь, Господь тебя самъ просвѣтитъ.

Статья была напечатана въ № 6 «Русскаго Дѣла» за 1889 г. и ровно черезъ недѣлю, едва успѣлъ выйти № 7, я получилъ третье предостереженіе съ пріостановкою изданія на шесть мѣсяцевъ и съ подчиненіемъ послѣ возобновленія примѣчанію къ ст. 144-й.

«Русское Дѣло» было убито. Послѣдній голосъ печати въ защиту великихъ дѣлъ Александра II замолкъ надолго, а со слѣдующаго года уже начались знаменитыя «реформы» гр. Д. А. Толстого.

Около семи лѣтъ прошло въ моемъ невольномъ отчужденіи отъ публицистики. Переселясь въ Петербургъ, я не имѣлъ случая ни встрѣтиться съ Н. М. Бардыгинымъ, ни вступить съ нимъ въ переписку.

В

Портретъ Н. М. Бардыгина,
постановленный по постановленію Егорьевской Городской Думы въ залѣ ея засѣданій.

Но вотъ, наступило новое царствованіе, и на нашихъ административныхъ верхахъ какъ будто повѣяло инымъ духомъ. Покойный М. П. Соловьевъ, тогдашній печальникъ Главнаго Управленія Печати, звѣрь для другихъ, почему-то отнесся благосклонно къ моему ходатайству о газетѣ, но стараго заглавія «Русское Дѣло» не разрѣшилъ, а далъ «Русскій Трудъ», съ тою-же программой и тоже безцензурный.

Однимъ изъ первыхъ подписчиковъ на новое изданіе былъ Никифоръ Михайловичъ, а вскорѣ я имѣлъ удовольствіе видѣть его и лично въ редакціи, основавшей-ся по началу въ Эртелевомъ переулкѣ.

— Ну, что, голубчикъ? Сняли печать молчанія? Опять заговорилъ? Опять въ драку? Хороши первые нумера «Русскаго Труда», совсѣмъ хороши. Да много-ли ихъ будетъ-то?

— Финансы не политика, Никифоръ Михайловичъ. Тутъ, борьба на цифрахъ и цензурѣ дѣлать нечего.

— Да ужъ очень большого медвѣдя-то облюбовалъ. Вѣдь Витте-то какую силу теперь забралъ,—всѣхъ министровъ подъ себя подмялъ. Къ другому чему придерутся и прихлопнутъ.

— Богъ милостивъ, продержимся.

— Ну, помогай тебѣ Богъ, родной. Съ деньгами-то какъ? Издатель-то у тебя кто?

— Есть компаньонъ, да не знаю, надолго-ли выдержу. Онъ у меня сумасшедшій.

— То-есть какъ сумасшедшій?

— Да такъ. Немножко еще—и чего добраго на одиннадцатую версту свезутъ.

— Что-же, работать мѣшаетъ?

— Хуже того; самъ работаетъ. Пишетъ совершенно дурацкія статьи, а когда я исправляю и передѣлываю, дѣлаетъ непріятности. Того и гляди, придется съ нимъ порвать.

С. Е. Шараповъ.

B

С. Э. Шарповъ.

— Эка незадача твоя! А къ московскимъ пробоваль обращаться?

— Пробоваль. Говорять: переносите издание въ Москву—тогда помогать готовы, а въ Петербургъ далеко. Я говорю: чудаки вы! да вѣдь въ Петербургъ-то я буду все равно, что вашъ консуль! Вѣдь это-же «враждебная держава» всему русскому, всему историческому и національному. Здѣсь газета московскаго и славянофильскаго направленія гораздо больше пользы принесеть и читать ее будутъ лучше, особенно на верхахъ. А такъ какъ мой «Русскій Трудъ» не ежедневный, а еженедѣльный, то для московскаго читателя разницы никакой не будетъ.

Никифоръ Михайловичъ подумаль немного и сказалъ:

— Вотъ что, Сергѣй Ѳедоровичъ. Дѣло это серьезное. Москвича не переломаешь. Послушай моего совѣта, хлопочи о переводѣ въ Москву. А когда разрѣшеніе получишь, напиши мнѣ: я насчетъ капитала съ удовольствіемъ для тебя похожу. Мнѣ пустяковъ не подпишуть.

Исполнить добрый совѣтъ Никифора Михайловича не пришлось. Великій князь Сергѣй Александровичъ не хотѣль и слышать о моемъ переводѣ. Разумѣется, этимъ я обязанъ бывшему Московскому Цензурному Комитету, которому въ свое время много крови перепортило «Русское Дѣло».

Никифоръ Михайловичъ жилъ въ Егорьевскѣ, но въ Москвѣ у него «въ городѣ» былъ свой «амбаръ» и туда онъ навѣдывался довольно часто. Заставъ его тамъ въ извѣстное время, было можно найти всегда полчаса для бесѣды. Разставшись съ компаньономъ, поступившимъ, кстати сказать, съ «Русскимъ Трудомъ» достаточно некрасиво, я вспомнилъ о добромъ совѣтѣ Никифора Михайловича и въ одну изъ поѣздокъ въ Москву зашелъ къ нему. Зашелъ удачно, потому что засталъ его въ амбарѣ, окруженнаго огромными бухгалтерскими книгами.

— Гостю дорогому... Минутку одну... Сейчасъ кончаю.

Никифоръ Михайловичъ указаль на стуль противъ себя и минуты двѣ я наблюдалъ занимательную сцену. По книгамъ разыскивали какое-то недоразумѣніе или путаницу. То и дѣло Никифоръ Михайловичъ вызываль къ себѣ то «Костю», то «Ваню» и строго, но вмѣстѣ съ тѣмъ ласково и душевно ихъ спрашиваль о той или иной записи. Недоразумѣніе скоро выяснилось. Гдѣ-то что-то перенесли не въ тотъ счетъ.

Величественное письмо

Имя Николас Нейло ван дер Не
и Николас сын Государь Александрович
отца рабства
отбываю крестный Александрович Нейло
и Николасъ освобожденъ Народъ
свои дядькии Монахамъ ради еи имени
мо великимъ его царемъ Нейло на
Нейломея въ немъ ради Нейло
рабство Нейло у насъ великимъ и блане
Нейло блане Нейло въ сердце Нейло
Нейло на Нейло и на его дядькии Нейло
во великомъ Нейломея крестный крестный
Нейло на Нейломея Нейломея во
во великомъ и блане Нейломея
Нейломея Нейломея и блане
и великимъ Нейломея Нейломея
Сергиемъ определенъ въ Нейломея
дядькии Нейломея Нейломея и блане
Нейломея Нейломея Нейломея
Нейломея Нейломея Нейломея
Нейломея Нейломея Нейломея
Нейломея Нейломея Нейломея
Нейломея Нейломея Нейломея

Наконецъ, дѣло было выяснено, книги закрыты, лишнія унесены, и Никифоръ Михайловичъ заявилъ, что до поѣзда онъ свободенъ. Заговорили о дѣлахъ.

— Ничего не поймешь, что у насъ дѣлается. Золото рѣкой плыветъ, а толку нѣтъ. На биржѣ фейерверки, а деревня разоряется. Слабѣетъ нашъ покупатель. А безъ хорошаго покупателя промышленность, что домъ безъ фундамента...

— Ну что-же? Разгадали, наконецъ, куда Витте гнетъ?

— Мудреная штука. Здѣсь въ Москвѣ всѣ по-разному. Есть такіе, что его въ геніи выводятъ, ну а есть и такіе, которые прямо говорятъ, что онъ Россію раззорить.

— А ваше собственное мнѣніе?

— Да вѣдь твой читатель-то чай! Только не преувеличиваете-ли вы, господа, вредъ отъ золотой валюты? Неужто отъ нея одной Россія можетъ обнищать и разориться? По-моему, деньги все равно, какія ни ходи, лишь-бы ихъ было достаточно, да шли-бы они на дѣло. Золото, конечно, и дорого, и неудобно, ну а все-таки при немъ торговля куда основательнѣе. А бумажка сегодня шесть гривенъ, завтра не то семь гривенъ, не то полтинникъ...

— Прибавьте: м е ж д у н а р о д н а я торговля, Никифоръ Михайловичъ.

— Да вѣдь, наша внутренняя-то по международной равняется. Возьми ты хлопокъ. Какова на него въ Америкѣ расцѣнка, такова и на всю нашу мануфактуру. Или хлѣбъ? Ужъ чего, кажется, важнѣе у насъ продуктъ, а какъ заграница расцѣнить, такъ и наши внутренніе рынки держать. Теперь фабрикантъ или торговецъ твердо знаетъ, чего его рубль стоитъ. А когда курсъ былъ, за три мѣсяца предвидѣть ничего нельзя было.

— Я не спорю, что постоянство курса имѣетъ свои выгоды для промышленности и торговли, а главнымъ образомъ для платежа по нашему заграничному долгу. Но и при старомъ курсѣ промышленности были выгоды: иностранный товаръ дорожалъ при паденіи курсовъ и, кромѣ того, надо было учитывать ихъ колебанія, русскому производству было легче конкурировать. Затѣмъ при низкихъ курсахъ выигрывалъ земледѣлецъ: дешевыя деньги давали хорошія хлѣбныя цѣны. Теперь хлѣбныя цѣны сильно упали и подняться скоро не могутъ, а потому разоряется земледѣліе.

— Читаль, читаль; все это вы, господа, какъ-будто и правильно толкуете, только убѣдительности въ этомъ мало, потому что односторонне смотрите и преувеличиваете. Вотъ, вы говорите, что цѣны на

хлѣбъ упали изъ-за золота, а вамъ отвѣчаютъ, что хлѣбъ подешевѣлъ потому, что міровой урожай высокій. Какъ тутъ разобратъся?

Такъ мнѣ и не удалось убѣдить Никифора Михайловича во вредѣ золотой валюты. Я нимало его за это не виню: вопросъ этотъ для всего русскаго образованнаго общества былъ и темнымъ и спорнымъ. Между тѣмъ, для промышленности преимущества устойчивой денежной единицы были въ первое-же время весьма осязательны.

Въ свои пріѣзды въ Петербургъ Никифоръ Михайловичъ Бардыгинъ никогда не забывалъ навѣстить редакцію «Русскаго Труда». Въ одинъ изъ послѣднихъ пріѣздовъ онъ привезъ цѣлую кучу документовъ по вопросу, крѣпко его занимавшему, объ уничтоженіи праздничной торговли и о праздничномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ.

— Будь другомъ, разработаю ты этотъ вопросъ, какъ ты одинъ умѣешь. Великое это дѣло. Надо мелкій народъ поддержать. Вѣдь имъ лба перекрестить некогда. Въ церковь и дорогу забыли, язычниками стали.

— Съ удовольствіемъ, Никифоръ Михайловичъ. Я уже читалъ про ваши неудачи и всей душой вамъ сочувствую, только не торопите очень—работы по горло, а я одинъ.

— Эко горе. Да теперь-то и важно насъ поддержать. Я вотъ, хлопотать пріѣхалъ. Твоя статья какъ-разъ теперь нужна.

Никифоръ Михайловичъ оставилъ мнѣ цѣлую папку бумагъ и документовъ. Я обѣщаль изучить матеріалъ и написать статью и съ своей стороны—любезность за любезность—просилъ позволенія «зарисовать» Никифора Михайловича своимъ аппаратомъ.

У меня была квартира на Захарьевской, съ лѣстницей, освѣщенной стекляннымъ куполомъ. При бѣлыхъ обояхъ на площадкѣ получался отличный готовый фотографическій павильонъ. Аппаратъ съ цейссовскимъ объективомъ давалъ возможность дѣлать на этой площадкѣ отличные, почти моментальные снимки.

Никифоръ Михайловичъ согласился, сталъ у столика и видимо ждалъ обычныхъ манипуляцій фотографа. Онъ внимательно вглядывался въ аппаратъ, и я нажалъ грушу въ тотъ моментъ, когда онъ даже и не подозрѣвалъ, что его снимаютъ. Портретъ вышелъ превосходный. Гравюра съ него, сдѣланная въ Лейпцигѣ, находится въ началѣ этого изданія.

Никифоръ Михайловичъ былъ очень доволенъ, что я его не мучилъ, не усаживалъ, не оправлялъ и т. п.

— Сколько знакомыхъ карточку просять, а вотъ, изъ-за этого и сниматься не хочется. Ну, спасибо, спасибо. А можно посмотрѣть, что вышло?

— Сейчасъ вамъ покажу.

Проявители были готовые, вмѣсто темной комнаты у меня была переносная камера, и минутъ черезъ пять я могъ передать Бардыгину мокрое стеклышко.

— Тонкая работа, каждый волосокъ сосчитать можно. Давно-ли работаешь?

— Да вотъ, собирался ѣхать по голодающимъ губерніямъ, такъ купилъ аппаратъ и выучился. Поѣздка не состоялась, а теперь добрыхъ знакомыхъ снимаю.

— Не забудь-же, Сергѣй Ѳедоровичъ, карточку прислать.

— Ну еще-бы! Не карточку, а цѣлый портретъ пришлю.

— Спасибо.

Мой негативъ я отдалъ увеличить специалисту и послалъ Никифору Михайловичу три экземпляра. Вслѣдъ за тѣмъ я послалъ ему №№ «Гражданина» съ очень любопытной полемикой моей съ кн. В. П. Мещерскимъ по поводу вышедшей въ Берлинѣ моей брошюры «Самодержавіе и самоуправленіе». Въ середину засунулъ и контрабандный экземпляръ брошюры. Въ сопроводительномъ письмѣ я извинялся за замедленіе въ составленіи статьи о праздничномъ отдыхѣ и обѣщалъ кончить и напечатать ее вскорѣ.

Дней черезъ пять я получилъ отъ Никифора Михайловича письмо, которое у меня сохранилось. Оно стоитъ того, чтобы воспроизвести его здѣсь полностью.

Достоуважаемый Сергѣй Ѳедоровичъ.

Письмо, брошюру и №№ «Гражданина» получилъ, за что и приношу Вамъ мою искреннюю благодарность. Портреты мною также давно получены; прошу извинить, что Васъ не увѣдомилъ. Что вы были больны и ѣздили за границу, все это я читалъ въ Вашей газетѣ. Какъ Вы себя теперь чувствуете? Изъ газеты-же Вашей мнѣ кажется, что Вы, слава Богу, здоровы, бодры и довольны. Если это такъ, то отъ души

радуюсь и желаю Вамъ отъ Господа получить душевную крѣпость для великихъ трудовъ на пользу нашего Царя и Отечества.

Читая Ваши мысли, радуется сердце и надѣется, что труды Ваши принесутъ ту пользу, которой проникнуты Ваши желанія. Полемика съ кн. Мещерскимъ для меня представляется весьма практически полезною, и, къ удивленію моему, князь Мещерскій тоже очень доволенъ этой полемикой и почти со всѣмъ соглашается, хотя, къ сожалѣнію, онъ не видитъ своихъ ошибокъ, вина ни въ чемъ неповинное прежнее земство, которое принесло Россіи великую пользу. Если-же и были случаи, что нѣкоторыя земскія управы не исполняли великой своей обязанности, то всѣ онѣ и получили должное наказаніе. Не только что въ своемъ гнѣздѣ, но и вся читающая Россія осудила ихъ, потому что при свѣтѣ гласности ни одинъ человекъ и никакое учрежденіе не могутъ скрыть своихъ неправильныхъ дѣйствій. По выраженію ап. Павла, «все-бо обличаемое—свѣтъ есть».

Съ особенною радостью прочелъ Ваши строки, что Вы хотите написать статью о праздникахъ. Конечно, быть-можетъ, я и увлекаюсь, но если увлекаюсь, то всею душою и всѣмъ помышленіемъ. Мнѣ кажется, что если-бы нашъ Батюшка-Государь запретилъ по праздникамъ всякую торговлю, работы и увеселенія, по примѣру Англіи, то Россія-бы стала самою великою націей. Теперь вѣдь, что у насъ въ праздничный день творится, можно назвать прямо гибелью народа.

Наше загнанное кастовое духовенство объ этомъ или не думаетъ, или не смѣетъ думать. Но, кажется мнѣ, что митрополитъ Антоній на мѣстѣ. Изъ бесѣды съ нимъ я думаю о немъ, что онъ принесетъ пользу. Поговорите съ нимъ. Я ему намекалъ: онъ раздѣляетъ мое мнѣніе, но, видимо, чѣмъ-то связанъ.

О, если бы Вамъ Господь помогъ это великое дѣло устроить. Я думаю, что величественнѣе и полезнѣе этого ничего не было, да и быть не можетъ. Если Государь Александръ II освободилъ крестьянъ отъ рабства, а настоящій нашъ Монархъ освободитъ народъ отъ духовной крѣпостной зависимости, то велико будетъ его царствованіе и не найдется въ исторіи всѣхъ народовъ равнаго. А что у Него великія и благія мысли въ сердцѣ носятя, это мы видимъ изъ Его державныхъ словъ ко всѣмъ народамъ, призывающихъ къ общему миру. Да поможетъ Ему Господь во всемъ и да пошлетъ Ему вѣрныхъ слугъ для исполненія Его великихъ и благихъ дѣлъ.

А Вы, любезнѣйшій Сергѣй Ѳеодоровичъ, въ этомъ дѣлѣ будьте первымъ піонеромъ. Я увѣренъ, что все это должно осуществиться, такъ какъ одно слово нашего Самодержца—и все готово.

Брошюру Вашу я еще не успѣлъ прочесть. Прочту и Васъ извѣщу о моемъ мнѣніи. Остаюсь и пр. Н. Бардыгинъ. 12 сент. 1899 г., г. Егорьевскъ.

Этого «мнѣнія», которое мнѣ было очень дорого, какъ мнѣніе большаго городского и земскаго дѣятеля и человѣка съ ярко-народнымъ міровоззрѣніемъ, мнѣ не суждено было услышать, какъ не удалось и самому исполнить завѣтнаго желанія Никифора Михайловича — печатно разработать вопросъ о праздничномъ отдыхѣ. Черезъ два мѣсяца, въ ноябрѣ 1899 г., мой «Русскій Трудъ» по настоянію С. Ю. Витте былъ закрытъ постановленіемъ особаго совѣщанія изъ четырехъ министровъ.

Помня теплыя отношенія ко мнѣ и «Русскому Труду» Никифора Михайловича, я обратился къ нему, предлагая какую-то литературную комбинацію въ Москвѣ, сущности коей сейчасъ не припомню. Никифоръ Михайловичъ, уже больной, отвѣтилъ мнѣ въ январѣ 1900 года, что онъ обсудитъ дѣло, переговоривъ со мною въ ближайшей своей пріѣздъ въ Петербургъ въ концѣ января. Этому свиданію не суждено было состояться, такъ какъ вскорѣ, въ слѣдующемъ 1901 году, Никифора Михайловича не стало.

Я прошелъ, насколько позволяла память, главныя стадіи моего знакомства съ Никифоромъ Михайловичемъ и пережилъ въ это время вновь всю прелесть былого общенія съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Теперь на моемъ горизонтѣ такихъ людей больше не осталось. Новые люди, выходящіе изъ народа, носятъ уже не тѣ духовныя черты, обвѣяны не тѣми традиціями. Съ Никифоромъ Михайловичемъ сошло въ могилу цѣлое поколѣніе, гдѣ такіе самородки, какъ онъ, блистали словно яркія звѣздочки далекой русской старины. Теперь эта родная старина все болѣе и болѣе меркнетъ подъ напоромъ нашей безнародной цивилизаціи и мишурнаго прогресса...

Киота надъ могилой Никифора Михайловича Бардыгина, сооруженная
имъ самимъ.